

**КОЛИН
МАККАЛОУ**

КОЛИН МАККАЛОУ

ПЕСНЬ
О ТРОЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
М15

Серия «Классическая и современная проза»

Colleen McCullough
THE SONG OF TROY

Перевод с английского *М. Нуянзиной*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *О. Жуковой*

Печатается с разрешения
InkWell Management LLC и Synopsis Literary Agency.

Маккалоу, Колин.

М15 Песнь о Трое : [роман] / Колин Маккалоу ; [перевод с английского М. Нуянзиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 672 с. — (Классическая и современная проза).

ISBN 978-5-17-165793-2

«Песнь о Трое» — интересная и яркая попытка рассказать о Троянской войне с точки зрения самых разных ее участников, причем с обеих сторон конфликта, — Елены и Агамемнона, Одиссея и Патрокла, Гектора и многих других персонажей, которые, впрочем, в романе предстают вовсе не героями в античном смысле слова, а обычными людьми, со своими сильными и слабыми сторонами.

Так что же они думали и чувствовали, что любили и ненавидели, на что надеялись и о чем мечтали — мужчины и женщины, которым довелось стать участниками самой масштабной войны и самой ужасной трагедии далекой древности?

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Colleen McCullough, 1998
© Перевод. М. Нуянзина, 2021
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-165793-2

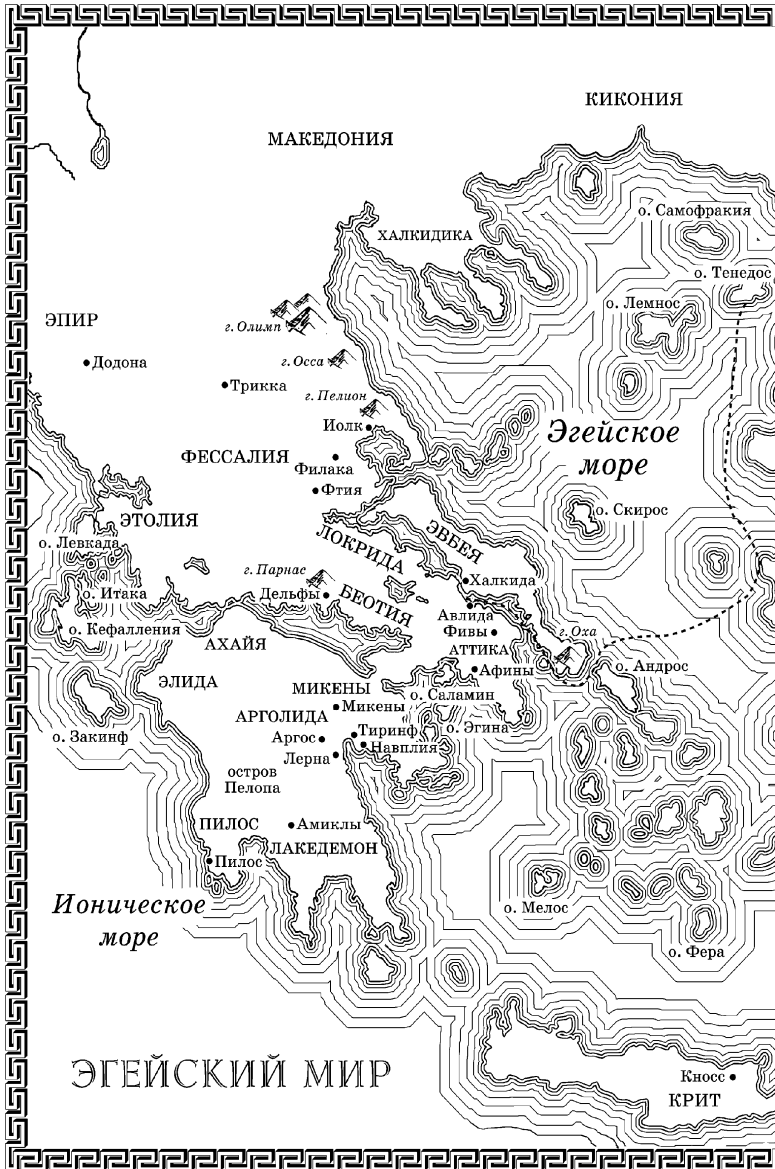
Моему брату Карлу,
который погиб 5 сентября 1965 года,
спасая тонувших в море женщин

Все у него, и у мертвого, что ни открыто,
прекрасно!

*Гомер. Илиада. Песнь 22**

* Пер. Н. Гнедича.

Глава первая (рассказанная Приамом)

Ни одному городу не сравниться с Троей. Молодой жрец Калхант, в пору ученичества посланный в египетские Фивы, вернувшись, не мог скрыть своего разочарования пирамидами, которые стоят вдоль западного берега Реки Жизни. По его словам, превосходство Трои было бесспорным, ведь она вздымалась выше пирамид и ее постройки предназначались для живых, а не для мертвецов. Лишь одно обстоятельство могло оправдать египтян — их боги не отличались особым могуществом. Египтяне двигали камни руками смертных, тогда как могучие стены Трои возвели сами боги. Вавилон Калхант назвал карликом, увязшим в речной тине, — его стены похожи на плод детской забавы и с Троей ему бессмысленно тягаться.

Никто не помнит, когда были построены наши стены: так давно это было, — но каждый знает легенду о них. Дардан (сын царя богов Зевса) завладел квадратным полуостровом в самой верхней части Малой Азии, где с севера воды Понта Эвксинского вливаются в Эгейское море через узкий пролив Геллеспонт. Это новое царство Дардан разделил на две части. Южную он отдал своему второму сыну, кото-

рый нарек свои владения Дарданией и устроил столицу в Лирнессе. Пусть и меньшая по размеру, северная часть была намного богаче благодаря возложенной на нее обязанности охранять Геллеспонт и праву взимать налог с торговцев, покидавших пределы Понта Эвксинского или возвращавшихся обратно. Эта часть получила имя Трояда. А на Троянском холме стоит Троя, ее столица.

Зевс любил своего смертного сына, поэтому, когда Дардан попросил у божественного отца нерушимые стены для Трои, был рад выполнить эту просьбу. В то время двое из богов были у него в немилости: Посейдон, владыка морей, и Аполлон, повелитель света. Им было приказано отправиться в Трою и построить самый высокий, широкий и крепкий крепостной вал в ойкумене*.

Утонченный и привередливый Аполлон счел это не совсем подходящим для себя занятием и предпочел играть на лире, нежели копаться в грязи и покрываться потом, — легковерному же Посейдону он объяснил, будто помогает времени течь, пока растут стены. Поэтому Посейдон клал камни, а Аполлон услаждал его слух музыкой.

Посейдон работал за плату — вечную дань в сто талантов золота, которые должны были выплачиваться ежегодно его храму в Лирнессе. Царь Дардан согласился. С тех незапамятных времен сто талантов золота ежегодно посылались в храм Посейдона.

* Ойкумена — общее название границ обитаемого мира. — *Здесь и далее примеч. пер., кроме особо оговоренных случаев.*

Но вскоре после того, как троянский трон перешел к Лаомедонту, моему отцу, случилось землетрясение такой силы, что разрушило дворец царя Миноса на Крите и стерло с лица земли царство острова Тера. Наша западная стена обвалилась, и отец нанял инженера-ахейца Эака, чтобы отстроить ее заново.

Эак поработал на славу, хотя вновь построенная им стена и не могла сравниться по гладкости и красоте с остальной частью крепостного вала, возведенного богом.

Договор с Посейдоном (Аполлон не снизошел до того, чтобы требовать плату за свои музыкальные упражнения), по словам отца, утратил силу: стены оказались вовсе не такими уж прочными, — поэтому он решил, что ежегодную дань в сто талантов золота храму Посейдона в Лирнесе он больше платить не будет. Никогда. Внешне этот довод казался вполне справедливым, если бы не одно «но». Боги наверняка знали то, что знал даже я, мальчишка: царь Лаомедонт был неисправимым скупцом и всегда негодовал при мысли о том, сколько драгоценного троянского золота отправляется в храм, стоящий в городе, которым правила династия родственников-соперников.

Так или иначе, платить дань перестали, и ничего не произошло за все те годы, которые понадобились мне, чтобы превратиться из мальчика в зрелого мужа.

Поэтому, когда пришел лев, никто не связал его появление с оскорбленными богами или городскими стенами.

К югу от Трои, на зеленой равнине, находился конный завод отца — его единственная забава, — но даже забава должна была приносить царю Лаомедон-

ту прибыль. Некоторое время после того, как ахеец Эак отстроил заново западную стену, в Трою пришел путник из такой далекой страны, что нам ничего не было о ней известно, кроме того, что горы там подпирают небо, а трава самая сладкая в ойкумене. С собой путник привел десять коней — трех жеребцов и семь кобыл. Никогда прежде не видали мы таких коней — высоких, быстрых, грациозных, с длинными гривами и пышными хвостами, с симпатичными мордами, спокойных и послушных. Они словно были созданы для колесницы! Стоило отцу бросить на них взгляд, и судьба путника была решена. Он умер, а кони его перешли в собственность царя Трои. И он вывел из них породу настолько знаменитую, что торговцы со всей ойкумены приезжали покупать кобыл и мерингов, — отец был слишком умен, чтобы продать хоть одного жеребца.

Равнину, предназначенную для конского пастбища, делила надвое старая, имеющая дурную славу тропа, по которой когда-то львы уходили на лето из Малой Азии на север, в Скифию, и возвращались зимовать обратно на юг, в Карию и Ликию, где солнце сохраняло достаточно силы, чтобы греть их темно-желтую шкуру. Охотники истребили львов, и львиная тропа превратилась в тропу к водопою.

Шесть лет назад в город прибежали селяне, мертвенно-бледные от ужаса. Я никогда не забуду выражения лица моего отца, когда они сказали ему, что три его лучшие кобылы мертвы и один жеребец искалечен — все стали жертвами льва.

Не таким человеком был Лаомедонт, чтобы дать волю бездумному гневу. Сдержанным тоном он при-

казал отряду дворцовой стражи встать на тропе, когда снова придет весна, и убить чудовище.

Это был не простой лев! Каждую весну и осень проходил он по тропе — так незаметно, что никто его не видел, — и убивал добычи намного больше, чем могло вместить его брюхо. Он убивал из любви к убийству. Два года спустя после его появления стража увидела его, когда он напал на жеребца. Они пошли ему наперерез, стуча мечами о щиты, намереваясь загнать его в угол и забить копьями, но лев с ревом встал на дыбы, бросился на стражников и прорвался сквозь их ряды, словно валун, который катится под откос. Они бросились врассыпную, и царственный хищник убил семерых, а сам целым и невредимым продолжил свой путь.

Но из этой беды вышла только польза. Один из пострадавших от когтей стражников выжил и отправился к жрецам. Он рассказал Калханту, что лев носит на теле метку Посейдона: на его светлом боку проступал черный трезубец. Калхант тут же обратился к оракулу и объявил, что лев принадлежит Посейдону. «Горе тому троянцу, который поднимет на него руку!» — воскликнул Калхант, ибо лев послан Трое в наказание за то, что она отказалась платить владыке морей ежегодную дань в сто талантов золота. И он не уйдет, пока выплата дани не возобновится.

Вначале отец оставил слова Калханта и предсказание оракула без внимания. Осенью он снова приказал дворцовой страже убить чудовище. Но царь недооценил страх, который внушают простому человеку боги: даже под угрозой казни стражники отказались выполнить приказ. Сдерживая ярость, царь сообщил